

ЗАКОНЫ

Перевод А. Н. Егунова.

ВВЕДЕНИЕ

I.

„Прекрасно“, говорит Марк Аврелий, „утверждение Платона: кто ведет речь о людях, тот, с какой-то вершины взирая вниз, должен рассмотреть все земное: стада, войска, земледелие, браки, разводы, рождение, смерти, шум судищ, пустынные страны, пестрые племена варваров, празднества, плачи, рынки— всю эту стройность, возникающую из смешения противоположностей“ (VII, 48).

Мы не знаем в диалогах Платона места, где прямо этими словами высказывался бы подобный взгляд. Но ведь и Марк Аврелий приводит это не как цитату. Мысль же эта подтверждается многими местами в „Законах“ Платона и всем этим произведением в его целом. „Законодателю следует позаботиться о браках . . . , о рождении и воспитании детей . . . , надзирая за всеми их скорбями, наслаждениями, страстями и стремлениями . . . о всех состояниях, которые бывают с людьми во время болезней, войны, бедности . . . стоять на страже достоинства граждан и их расходов“ . . . и т. д. (631E—632B). „Новое государство нужно всячески скрепить, не упуская, по возможности, ни великого, ни малого из того, что называется законами, обычаями или обыкновениями“ (793C).

В самом деле, этот мир, стройный и противоречивый, рассмотрен в „Законах“, и речь в них идет о многом, начиная с доказательства бытия божия и кончая мелкими узаконениями относительно рыночных цен.

В других своих сочинениях Платон совершает путь восхождения на высоты. К Платону можно применить им самим нарисованный (в „Федре“) образ человеческой души, поднимающейся в высь и там выходящей из этого мира в мир идеальный. На мгновение созерцает она мир подлинного бытия, и это созерцание доставляет ей величайшее наслаждение. Но обреченная, падает она вниз и лишь смутно вспоминает виденное. У Платона воспоминания сильнее; с их помощью хочет он упорядочить все земное.

Высоты, во всяком случае, им достигнуты. Это ручается, что его рассмотрение дел человеческих будет содержательно и незаурядно.

II.

Принадлежность „Законов“ Платону доказывается единогласными свидетельствами Аристотеля, Диогена Лаэртского, Свида и др., так что возникшие у некоторых исследователей в новое время сомнения надо признать неосновательным. Вместе с тем, время и обстоятельства написания „Законов“ уста-

навливаются с гораздо большею определенностью и точностью, чем для иных диалогов. „Законы“ созданы после „Государства“ (Аристотель, Политика, VI, 1264 b 26. Диоген Лаэртский, III, 37 и др.), что, впрочем, явствует и из их содержания. С другой стороны, известно (по свидетельству Цицерона), что Платон продолжал свою писательскую деятельность до самой своей смерти в 347 г. Диоген Лаэртский (III, 37) сообщает, что, по утверждению некоторых, ученик Платона, Филипп Опунтский, издал „Законы“, „бывшие еще на восковых дощечках“ (мы бы сказали: в бумагах писателя). Впрочем, из этого свидетельства, сопровождаемого к тому же оговоркой: „как утверждают некоторые“, было бы поспешно заключать, что Филипп издал „Законы“ непременно после смерти Платона. Роль Филиппа в деле их издания вообще нередко переоценивалась. Бласс справедливо указал, что посмертное издание „Законов“ засвидетельствовано лишь Проклом, так что вопрос этот и роль Филиппа остаются невыясненными ¹.

В третьем письме Платона, вероятно, написанном вскоре после 360 г., говорится, что Платон, во время своего вторичного пребывания в Сиракузах (приблизительно в 366 г.) вместе с Дионисием, тиранном сиракуским, занимался составлением „вступлений“ к законам. Как бы ни относиться к подлинности третьего письма, это сведение не невероятно. Быть может, именно в эту пору зародилась у Платона мысль о создании „Законов“, которые в нынешнем своем виде содержат подобные вступления. Во всяком случае, можно думать, что „Законы“ создавались Платоном еще в то время, когда он намеревался осуществить основные положения их на деле и в этом смысле возлагал свои надежды на тиранническую власть (638 А—В). Дионисий младший обещал дать ему землю и людей для производства социальных опытов, однако обещания не исполнил (Диоген Лаэртский, III, 21). Повидимому, разочарование в Дионисии, да и в людях вообще, побудило Платона дать, кроме вступлений, которые, в общем, годились бы и для строя, начертанного в „Государстве“, и все остальное, составляющее проект, „второго по качеству“ государственного устройства. Сопоставление этих данных: 366 г., с одной стороны, и год смерти философа в 347—с другой (к тому же в самом диалоге (638 В) упомянуто событие 356 г., именно: победы сиракусцев над локрами), определяет время создания „Законов“. Если и усомниться в первой дате, остается вторая, несомненная, хотя бы и считать неоконченного „Крития“ последним произведением Платона ².

III.

„Законы“ написаны в период сомнений Платона в благодати и высоте человеческой природы. Быть может, человек—только игрушка в руках бога: „каждый из нас, живых существ, является куклой богов, сделанной ими либо как

¹ Fr. Blass, Apophoreton, Berlin 1903, 62.

² Н. Raeder (Platons philosophische Entwicklung, Lpz. 1905), основываясь на сопоставлении некоторых терминов, общих седьмому письму Платона (около 354 г.) и „Законам“, датирует начало их составления точнее: с 354 г.

их игрушка, либо для какой-нибудь серьезной цели; это-то нам неизвестно“ (644 D); поэтому не люди дают законы: „все наши законы различно даются нам случайностями и различными выпавшими несчастьями“ (709 A); „бог управляет всем, а вместе с богом случайности и благовремение правят всеми человеческими делами“ (709 B).

Искусство законодателя, как и всякое человеческое искусство, стоит лишь на третьем месте после божества и случайности. Стало быть, законодателю надо выждать счастливой случайности для осуществления своих замыслов. Такой случай может представиться, если появится неограниченный властитель, который будет „молод, памятлив, способен к учению, мужествен; .. к тому же душа этого тирана должна обладать теми свойствами, что являются... следствием всех без исключения добродетелей“ (709 E). Такой тиранн будет счастлив, но ни в чем другом, как в том, что во время его владычества появится законодатель, достойный хвалы, и какая-то случайность сведет их друг с другом. Если это произойдет, то богом сделано почти все, что совершает он, когда хочет, чтобы какое-либо государство преуспевало“ (710 D).

Платон возлагал свои надежды на Дионисия младшего, тирана сиракуского; но тот не оправдал его ожиданий. Отсюда скорбные мысли в иных местах „Законов“ о невозможности человеку молодому, облеченному, к тому же, высшей властью, быть добродетельным.

Да и вообще „вряд ли найдутся люди, которые были бы довольны таким (какое начертано в „Законах“) устройством общества, которые, в течение всей жизни, соблюдали бы установленную умеренность в имуществе и рождении детей ... которые были бы лишены золота и всего, что будет запрещено законодателем“ (745 E—746 A). Платон уже не обманывается, с кем он имеет дело: „мы говорим с людьми, а не с богами“ (732 E). Отсюда свойства как содержания „Законов“, так и их изложения, приспособленного к уровню большинства.

IV.

Сюжет „Законов“ следующий: афинский чужестранец - гость в беседе с критянином Клинием и лакедемонянином Мегиллом заводит речь о законах и о государственном устройстве. Клинию это как раз кстати, потому что, оказывается, критяне задумали основать новую колонию, заботы о чем вверили комиссии из десяти лиц, в том числе и Клинию. Разговор переходит на законы для этой будущей колонии. Постепенно афинянин набрасывает план нового государственного устройства. Беседа происходит в конце июня на Крите, по дороге из Кносса к святилищу и гроту Зевса. Цель их пути символична: святилище Зевса; этим как бы предугазан религиозный характер диалога. Путь предстоит длинный, и трое старцев думают скоротать его беседой; по дороге встречаются кипарисовые рощи и зеленые лужайки, где собеседники отдыхают.

Платон скупно, но очаровательно, очерчивает пейзаж; невольны вспоминается изображение природы в „Федре“—там собеседники, разувшись, идут в зной по руслу речки, сладко беседуя; все юно, безоблачно и солнечно—в „Законах“ же мудрые и трезвые речи о политике и старческие заботы об отдыхе.

V.

В „Законах“ тот же параллелизм личности и общества, что и в „Государстве“. Социальная этика отличается от этики индивидуальной только размером. Те же четыре основных добродетели; мужество среди них занимает последнее место, разумность—первое (630А—В, 963 С). Следствием добродетели является счастье. С ударением повторяется, что лишь справедливый счастлив. Вместе с тем добродетель доставляет человеку радость. Именно в этих убеждениях—даже если бы на самом деле было не так—должен законодатель воспитывать юношество.

Соответственно трем частям души есть три причины человеческих проступков и погрешностей. Погрешить можно из-за страсти (*θυμός*), из-за стремления к удовольствию (*ἡδονή*), по незнанию (*ἄγνοια*). В последнем случае, собственно, нет никакого морального промаха—хотя бы вовне и ощущался вред и страдание,—так как здесь не участвует добрая воля; значит, и возмездие здесь неуместно. Напротив, в первых двух случаях низшие части души берут верх над высшей, душа больна и может быть исцелена лишь путем наказания; если же погрешивший неизлечим, должно его предать даже смерти, дабы прочие люди имели предостережение, а государство избавилось от скверного гражданина.

То же самое и в государстве: лучшая его часть должна стоять во главе. Господство широких толп сравнивается с преобладанием низшей части души в человеке (689 А—В). Для упорядочения государственного устройства необходимо установить законы, хотя лучше было бы, если бы можно было обойтись без них (857 Е—859 В. 874 Е—875 А).

При установлении каких-либо узаконений нелишне призвать помощь божью (717 В). Бог есть мера всех вещей (716 С)—утверждается в противоположность положению Протагора. Человеческие цели не заслуживают, собственно говоря, серьезного внимания: божество—самый достойный предмет для человеческого размышления. Святотатство и безбожие должны строго наказываться, даже смертью (853 А. 907 D и сл.). Но к этой крайней мере следует прибегать лишь в исключительных случаях, когда всякое увещание, разумление и поучение оказываются уже бессильными. Более извинительно, как вытекающее из невежества, безбожие; оно возникает под влиянием древних мифов, сообщающих о бодах недостойные вещи, или же под воздействием современной натур-философии, развивающей ложные теории, будто небесные светила только материальны и ничего более (886 В).

Религиозная вера покоится на научных основаниях. Приводятся доказательства, что душа существует прежде материального, как нечто самодвижущееся. Она является причиной всего сущего, следовательно, как зле, так и добра, как красоты, так и безобразия и т. д. Поэтом должно быть, по крайней мере, две мировых души: одна—производящая благо, другая—зло (896 D—E). (Заметим, что учение о двух душах и, в частности, о злой мировой душе, смущало многих исследователей „Законов“, заставляя отрицать их принадлежность Платону). Благая душа является причиной и кругового, т. е. самого совер-

шенного, вращения небосвода. Небесные тела одушевлены и божественны (899 В). Атеизм опровергнут; боги ведут все к лучшему; людскими приношениями и мольбами они не могут быть преклонены. Небо полно блага и зла. В нашей борьбе мы, люди, нуждаемся в помощи богов и демонов, от которых мы зависимы (906 А). Это должно быть осознано и воспринято всеми. Другие же знания—математика и астрономия—предназначаются для немногих избранных. Большинству достаточно иметь начальные сведения в этих науках.

Таковы, в общих чертах, философские, этические и религиозные основы, на которых зиждется конструкция „Законов“. Если это и не самые значительные из высот, когда-либо достигнутых Платоном, все же, где тут отречение от философии (взгляд Вл. Соловьева)? Отречение от Сократа—да, поскольку, в общем, отвергается его учение о добродетели - знании и о проступке, как простом незнании. Смерть Сократа уже забыта, повидимому, Платоном. Ученик вполне мог бы казнить в своем будущем государстве своего учителя, как вводящего какие-то новые учения о богах и развращающего юношество.

VI.

Все же и это высоты. Заглянуть с них вниз на дела людские не всякий может. У слабых кружится голова; „то, на что смотришь издалека, причиняет головокружение... всем, а в особенности детям“ (663 В). Близоруким ничего не увидят. Но, „чужестранец“,—говорит Клиний афинянину, т.-е. Платону:— „ты дальноворок, что и естественно в твоём возрасте“ (715 Е).

Будущее государство отстоит от моря на восемьдесят стадий; иначе близость моря внушила бы гражданам меркантильный дух. В ввозе оно не нуждается, потому что довлеет само себе. Акрополь со святилищами богов, покровителей государства, возвышается в центре. Исходящие радиусы делят город и пахотную землю на двенадцать частей. Граждан всего пять тысяч сорок человек. Страна соответственно делится на такое же количество наделов, состоящих каждый из городского участка и сельского. Земельная собственность, обрабатываемая крепостными сельскими рабочими, является единственной экономической основой жизни граждан. Впрочем, это нельзя назвать вполне собственностью, так как земля принадлежит всему государству (739 Е). В виду равенства одинаково плодородных наделов, граждане экономически уравниваются. Для устранения неравенства, возникающего из-за обладания движимым имуществом, установлен минимум и максимум владения: минимум равняется стоимости надела, максимумом является вчетверо большая сумма. Излишки конфискуются государством (744 D—745 А).

Употребление гражданином доходов со своего имени контролируется государством; пищу все получают в общественных столовых (780 В и сл). Хозяйством страны, начиная с вопроса о ввозе и вывозе и кончая установлением цен на продукты, ведает государство. Закон не может рассчитывать, чтобы граждане своим политическим и социальным поведением отвечали его требованиям, если он не подчиняет своему контролю всю частную жизнь человека;

никто, поэтому, не в праве проводить свой день, как ему вздумается: все регулировано законом.

Впрочем, закон говорит с гражданами отечески, а не только одними приказаниями или запрещениями. Законодатель пробует сначала убедить граждан в пользе и необходимости его мероприятий. Он увещевает и вразумляет их путем доводов разума. Таковы те вступления, которые предпосылаются законам¹. Браки, рождение, воспитание детей—обо всем печется государство, в особенности о воспитании. Обучение грамоте начинается с десятилетнего возраста; затем с тринадцати до шестнадцати лет следует мусическое образование: музыка и поэзия. Это образование и воспитание одинаково и обязательно для всех. Поэзия и музыка не должны быть судимы по тому удовольствию, которое от них все и каждый получают—лишь оценка людей лучших еще может быть принята во внимание (667 D. 658 E). Сущность поэзии—подражание; но хороший подражатель должен знать, чему подражает (668). А этого зачастую нет у поэтов, когда они находятся в исступлении под влиянием вдохновения (719 C); поэтому-то они и рассказывают о богах безнравственные вещи. Впрочем, поэты творят и много хорошего (811 B); надо только, чтобы их произведения подвергались цензуре. Поэтому, при самом основании государства, создается комиссия из сведущих лиц, не моложе пятидесяти лет, которые оценивают существующие поэтические и музыкальные произведения и допускают из них лишь то, что отвечает принципам, положенным в основу государства. Таким образом, поэты не изгоняются, как в „Государстве“. Гомер даже прославляется устами Клиния и Мегилла. Главным же материалом для обучения служат произведения самого законодателя, созданные не без божественного вдохновения (811 C). Да и сами законы и весь строй государства оказывают на гражданина образовательное и воспитывающее воздействие в течение всей его жизни.

Наряду с этим идут и физические упражнения; с двадцати лет до шестидесяти—военная служба. Не реже, чем раз в месяц, происходят полевые маневры, в которых принимают участие и женщины. Они воспитываются и получают образование наравне с мужчинами; ведь в противном случае более чем половина государства оказалась бы невоспитанной и необразованной.

Чрезвычайно велика роль религии в воспитании: все оно проникнуто ею. Празднества и жертвоприношения имеют для граждан великое воспитывающее и объединяющее значение.

Участие в выборах должностных лиц вменяется в общественную обязанность. Впрочем, всеобщее избирательное право умалется как косвенными,

¹ На тернистом пути „Законов“ эти вступления (*προοίμια*) составляют как бы передышки (*ἀνάπαυλας*), упомянутые в начале диалога. По содержанию и стилю, они, большею частью, выгодно отличаются от окружающего их текста. Самая мысль о таких философских вступлениях к законам—истинно эллинская. У Стобея читаются приписываемые Залевку и Харонду подобные вступления, возникшие, разумеется, гораздо позже и едва ли не под влиянием Платоновских. Римляне судили иначе: *legem enim brevem esse oportet, quo facilius ab imperitis teneatur; velut emissa divinitus vox sit; jubet, non disputat* (Seneca, epist. XCIV).

зачастую, выборами, так и установлением имущественного и возрастного ценза. За соблюдением законов смотрят номофилаки (охранители законов), имеющие законодательную и, вместе с судьями, судебную власть. Но во главе всего государства стоит „ночное собрание“, члены которого вербуются из умственной аристократии. Это люди с высоким образованием, философским и математическим (966 В. 968 А). Они каждое утро, еще до восхода солнца, собираются для выяснения научных вопросов; они пекутся, дабы государство постоянно не теряло из вида наилучшей цели (951 С. 960 Е. сл.).

VII.

Сравнение с „Государством“ напрашивается само собою. Этим много занимались, и выводы обычно получались, естественно, не в пользу „Законов“. Однако, достаточно указать, что основной принцип и там, и здесь один и тот же: государство строится на этической основе, в нем осуществляется справедливость. Для индивидуальной этики провозглашается целью уподобление божеству: „уподобиться богу, насколько это может человек“ („Государство“); „подобное любезно соразмерному подобному . . . у нас мерой всех вещей преимущественно пусть будет бог“ („Законы“ 716 С). Социальная же этика, по Платону, есть только распространение индивидуальной. Поэтому, в основном, получается полное согласие „Государства“ с „Законами“. Платон отнюдь не отрекается в „Законах“ от начертанного им некогда в „Государстве“ идеала: „Наилучшим является государственное устройство и законы в первом проекте. Здесь во всем государстве в высшей степени соблюдается древнее изречение, гласящее, что у друзей, действительно, все общее. Есть ли в наше время это где-либо и будет ли когда, т. е. чтобы общими были жены, дети, все имущество, чтобы, так называемая, частная собственность всяческими средствами была устранена повсюду из жизни, чтобы придумывались, по мере возможности, средства так или иначе сделать общим то, что от природы является частным, как-то: глаза, уши, руки, так, чтобы казалось, что все сообща видят, слышат, действуют; все восхваляют или же порицают одно и то же; по одним и тем же причинам все радуются или огорчаются, а законы, по мере сил, как можно более объединяют государство,—выше этого, в смысле добродетели, никто никогда не сможет установить ни лучшего, ни более правильного предела. Подобное государство, если и образуют его где боги или сыновья богов—в количестве больше одного—есть обитель радостной жизни. При его наличии, нет надобности взирать на другие образцы государственного устройства, но достаточно возможно более стремиться к нему. А тот план государства, который мы теперь попытались изобразить, также очень близок к бессмертию, но занимает лишь второе место. Вслед за этим мы изложим, если будет на то божья воля, и третий проект“ (739 В—С).

Платон теперь более трезво смотрит на человека и его свойства: идеальное государство осуществимо разве лишь у богов и сыновей божьих, а для прочих людей гораздо более пригодно государство „Законов“. Наконец, если и проект, набросанный в „Законах“, окажется не по плечу людям, Платон

обещает дать и третий по достоинству план государственного устройства. Как известно, этого он не осуществил; и мы не знаем, в каком именно направлении развил бы его Платон. Можно предполагать, что это, во всяком случае, не свелось бы к простому анализу уже существующих форм государственного устройства, как то делает Аристотель в своей „Политике“. Психологически правдоподобно известие Диогена Лаэртского, сообщающего, основываясь на Памфиле, что аркадяне и фиванцы, основывая Мегалополь, обратились к Платону с просьбой помочь им в законодательстве; тот же, узнав, что они не собираются осуществить принципов равенства, отказался (Ш, 23).

Невозможно согласиться, будто Платон в „Законах“ отрекается от самого существенного в начертанном им ранее идеале, будто приспособление к действительности достигается здесь утратой смысла жизни (Евг. Трубецкой). Напротив, можно и в „Государстве“, и в „Законах“, несмотря на все их значительные различия, усмотреть основное единство этического принципа, как основы государства. А что такое понимание „Законов“ будет более правильно, подтверждается свидетельством Аристотеля:... „и в „Законах“ все мало-помалу сбивается опять-таки на тот строй, проект которого изложен в „Государстве“; помимо общности жен и собственности, во всем остальном законодатель усваивает одно и то же обоим проектам“.. и т. д. („Политика“, 3, 2, перевод С. А. Жебелева).

VIII.

Хороший подражатель, говорит Платон, должен знать то, чему он подражает (668 С—D). Проект государственного устройства, изложенный в „Законах“, разумеется, не является плодом только фантазии Платона. Напротив, по всему видно, что Платон во многом подражал уже существующим установлениям, дополняя или изменяя их соответственно своим целям, и что он прекрасно знал то, что послужило ему, до известной степени, оригиналом. Мы должны, говорит он, подражать той истинно счастливой жизни, что была при Кроносе, когда говорили сами боги и демоны; тогда осуществлялась добродетель (713 E). Из современных же Платону государственных форм он признавал более совершенными те, что были у народов дорийского племени. „В самом деле, Ликург и Минос установили все лакедемонские и здешние (т.-е. критские) законы, имея в виду... не войну, но всю в совокупности добродетель“ (630 D—E). Поэтому-то подобный государственный строй назван „божественным“ (630 E). Остальные же формы даже нельзя назвать государственным устройством: „вы (то-есть лакедемоняне и критяне) причастны к действительным государственным устройствам, а те виды (монархия, демократия)... не являются государственными устройствами“ (713 A). Не говоря уже о персах, даже устройство родного афинского государства не может удовлетворить Платона, так как „совершенная свобода от всяких властей гораздо хуже умеренной власти, ограниченной другими учреждениями“ (698 A). Впрочем, в старину в Афинах все было лучше (693 E). „Во времена персидского нашествия... у нас еще существовал древний государственный строй... была у нас влады-

чицей некая совестливость, благодаря которой мы охотно жили в подчинении тогдашним законам" (698 В). Распущенность и порча понемногу извратили весь нынешний строй Афин: „с мусического искусства началось у нас всеобщее мудрое самомнение и беззаконие, а за этим последовала свобода" (701 А).

Взгляды, выраженные в „Законах", не являются чем-то неожиданным. Лаконофильство Платона можно проследить и во многих других диалогах. Так, например, в „Пире" (209 D) законы Ликурга названы спасителями всей Эллады. Поэтому естественно следует ожидать, что Платон при выработке установлений своего будущего государства во многом основывался на уже существовавших лаконских учреждениях, иногда, впрочем, используя и древнеаттические. Определить, какие именно элементы в проекте Платона восходят к лаконским и какие к аттическим—задача в высшей степени важная для историка и исследователя греческого государственного права.

„Законы" Платона являются одним из первостепенных исторических источников; но, для использования их именно как источника, надлежало бы прежде всего отделить в них элементы собственно платоновские от тех, где Платон основывается на реальных данных. Если бы удалось для многих платоновских узаконений и установлений отыскать их реальную основу, то и для остальных можно было бы, хотя отчасти, предположить то же самое и, следовательно, пользоваться, ими как источниками ¹.

IX.

На последующее время „Законы" оказали немалое влияние. Можно предполагать, как было указано, что в духе платоновских „вступлений" были составлены и приписаны древним законодателям, мудрецам Харонду и Залевку, вступления к их законам. Но если и усомниться в этом, все же „Законы" Платона не прошли бесследно для всего европейского законодательства, поскольку в нем содержатся, кроме простых формулировок — приказаний и санкций угроз—еще и общие руководящие принципы. И здесь, как и повсюду, античность является родоначальницей наших современных идей.

Влияние „Законов" было преимущественно косвенным, через соответственные сочинения, главным образом, Цицерона и Монтескье. Правда, Цицерон во многом—и при том в самом существенном—отклоняется от Платона. Платон, несмотря на выражаемые им консервативные взгляды, все же во многом является самым смелым новатором. Цицерон, напротив, придерживается почти исключительно реальной стороны предмета и старинные римские законы признает образцом правовых отношений. Но Цицерон ссылается на Платона; дух Платона сказывается во многом, так что „De Legibus" Цицерона

¹ Работа в этом направлении только начата; исследование „Законов" с этой стороны является задачей будущего. Из уже сделанного можно указать на две небольшие статьи К. Ф. Германна („De vestigiis institutorum veterum imprimis atticorum per Platonis de legibus libros indagandos" и „Juris domestici et familiaris apud Platonem in legibus cum veteris Graeciae inque primis Athenarum institutis comparatio". Марбур 1836).

(написанные в 52 г. до Р. Хр.), все-таки послужили, до известной степени, проводником платоновских воззрений.

Не касаясь утопий Мора, Бэкона („Новая Атлантида“), где „Дом Соломона“, конечно, прямой потомок „ночного собрания“ Платона, и политического трактата Спинозы, в которых кое-что восходит к Платону, перейдем к „*Ésprit des lois*“ Монтескье (1748 г.). Законами являются, говорит он, „*les rapports nécessaires qui derivent de la nature des choses*“. Монтескье иной раз полемизирует с Платоном, указывая, что тот исходил все-таки из отвлеченных, метафизических и моральных принципов; тем не менее, даже в этой полемике, он отражает и выражает Платона. Иногда встречаются почти полные совпадения: так, например, в учении, что законы должны сообразоваться с племенными и географическими особенностями народа и пр.

Да и в самых „Законах“ Платона есть нечто, сближающее их с идеями XVIII века. Несмотря на все свои разочарования и сомнения, Платон, иной раз, еще вполне уверен в благодати человеческой природы. Взять хотя бы начало третьей книги,—эти рассуждения о немногих людях, спасшихся от потопа; об этих пастухах, благих и добродетельных, ибо они не знали развращающего влияния цивилизации.

Х.

Независимо от интересности философского содержания и значения „Законов“, как исторического источника, оценка их должна быть произведена и с историко-литературной точки зрения. Читателю, воспитанному лишь на русской литературе, может показаться странным отнесение сочинения с столь специальным содержанием к художественной литературе. Но пусть вспомнят хотя бы того же Монтескье с его „*Ésprit des lois*“—ведь это не специально юридический или политический трактат, но и художественное произведение. Говоря же о Платоне, невозможно забыть, что он всегда и прежде всего художник слова и один из величайших мастеров греческой прозы.

Вопрос о композиции „Законов“ запутан, в виду слишком большого значения, придаваемого некоторыми Филиппу Опунтскому в деле издания „Законов“. Если верить исследователям, то многое,—именно: все, что угодно,—можно отнести за счет Филиппа¹. Не вдаваясь в подробности, ограничимся указанием, как материал „Законов“, в нынешнем их виде, представляется распределенным по отдельным их книгам:

Книга I. Выяснения общей ситуации, личностей собеседников и предмета их разговора. Как иллюстрация к общему заданию диалога, даются беглые разборы некоторых существующих установлений.

Книга II. Вопрос о воспитании. Хороводы, песни, поэзия; музыка и гимнастика и пр.

¹ E. Praetorius (De legibus Platonicis Philippo Opuntio retractatis, 1884) даже уверяет, что Филипп не пощадил ни одной строчки „Законов“—своеобразное понимание отношений учеников Платона к своему учителю!

Книга III. Возникновение государства. Замечания относительно греческих и персидского государств. Условия прочности государств.

Книга IV. Внешние условия благосостояния государства. Возможность осуществления новых законов. Общее вступление к законам.

Книга V. Продолжение вступления к законам. Правила поведения. Набор колонистов, раздел земли, средства сохранить равенство.

Книга VI. Должностные лица и их избрание. Вопрос о браках, о рабах.

Книга VII. Образование и воспитание молодежи.

Книга VIII. Празднества. Питание и образ жизни граждан.

Книга IX. Уголовные законы. Проступки по отношению к богам и божественному, к государству и пр. Наказания за них.

Книга X. Наказания за нечестие и святотатство. Доказательства бытия божия и теодицея.

Книга XI. Частное право и пр.

Книга XII. Посольства. Кражи. Клятвопреступления. Подати. Взятки. Обязанности судей. Похороны и пр. Ночное собрание¹.

XI.

Вакернагель (*Die griechische Sprache. Kultur der Gegenwart I, VIII, 295*) оценивает стиль Платона, как, быть может, высшее достижение человеческой художественной прозаической речи. Разумеется, это относится только к самым лучшим его произведениям, и, в этом смысле, „Законы“ займут очень скромное место, в виду своих явных недостатков, как композиционных, так, в особенности, стилистических. Исследователей часто смущал стиль „Законов“, и они находили даже возможным, поëтому, отрицать их принадлежность Платону. Почин такого отрицания дал в начале прошлого века Аст (*Platons Leben und Schriften, 376—392*): „достаточно прочесть несколько страниц „Законов“, чтобы убедиться, что они не принадлежат Платону“. На это можно возразить: достаточно прочесть их целиком, чтобы убедиться в их принадлежности Платону, автору не только „Пира“ и „Федра“, но и „Тимея“, „Софиста“, „Политика“ и др. И в самом деле: основатель изучения языка и стиля Платона Campbell (в своем издании „Политика“, Оксфорд 1867 и в совместном с Jowett'ом издании „Государства“ (Оксфорд 1894) показал, что диалоги „Софист“ и „Политик“, по языку, тесно связаны с „Тимеем“, „Критием“ и „Законами“. Эти диалоги содержат особенно много редких, составных и вновь образованных слов, преимущественно специального значения. Распорядок слов в них подчинен стеснениям и создает особый ритм, что, в соединении с необычностью способа выражения, производит впечатление чего-то дифирамбического. Последующие исследования В. Диттенбергера и других согласуются с этим. Выяснилось с полною очевидностью, что „Законы“, по своему языку, не стоят особняком, но тесно связаны с рядом других диалогов, составляя с ними

¹ Подробно с содержанием диалога можно ознакомиться по книге Константина Риттера: *Platos Gesetze, Darstellung des Inhalts, Lpz. 1896.*

группу, объединенную общими признаками, дающими определенное понятие о втором, позднейшем, „старческом“ стиле Платона, в противоположность первому, прославленному и прославляемому ныне.

Особенности этого стиля, кроме указанных лексических и ритмических, состоят также и в возможно строгом устранении зияния, вследствие чего иногда меняется естественный порядок слов.

Зато, наоборот, по сравнению с „первым“ стилем Платона, в „Законах“ меньшую роль играют хиазмы и горгиевы фигуры. Но, разумеется, все это слишком вошло, так сказать, в плоть и кровь греческой художественной прозы вообще и платоновской в частности, чтобы этого не было и в „Законах“.

Небезынтересно с заключениями о стиле „Законов“ новых исследователей сопоставить впечатления античных. В приписываемом Лонгину трактате „О возвышенном“, относимом к I веку по Р. Хр., разобран ряд мест из „Законов“. Автор трактата осуждает смелые метафоры в 773 С. 741 С (здесь характерна его оговорка: „божественный в остальном Платон и т. д.). 778 D. Напротив, перифразу в 801 В он одобряет, так как, по его мнению, перифраза украшает и способствует величию. Как в музыке, благодаря гармонизации, основная мелодия делается заметнее, так и перифраза, замечает он, оттеняет собственное значение слов. В общем, автор трактата приводит мнение, что в его время поносят (вероятно, аттицисты) Платона за то, что тот, под влиянием какого-то вакхического словесного восторга, часто впадает в необузданные, жестокие метафоры и в аллегорическую высокопарность. Поэтому Цецилий, по словам автора трактата, порицал Платона и ему противопоставлял, как образец, Лисия. Ограничимся приведенным впечатлением древних от стиля „Законов“; они-то уже наверное лучше нас чувствовали свой родной язык.

Это позволяет, наряду с вышеуказанными соображениями, произвести литературную оценку „Законов“, которая, во всяком случае, не будет такой низкой, как это нередко делают. Не должно только судить „Законы“ на основании норм первого стиля Платона. Платон был широк и не всегда подчинялся правилам, хотя бы и установленным им самим. Вспомним, что в числе мнений, почему Аристоклу дали прозвище Πλάτων, что значит „широкий“, Диоген Лаэртский приводит и следующее: „некоторые полагают, что его так прозвали за широкость его изложения“ (III, 4). Тем не менее, недостатки „Законов“ остаются: прерывистость, а местами повторения, недостаточное порой развитие брошенных мыслей, темнота речи, анаколуфы, брахилогия наряду с плеоназмами и пр. Что недостойно Платона—в обычном нашем представлении,—было бы, однако, недурно у писателя не столь крупного. Взять хотя бы анаколуфы (непоследовательность синтаксических конструкций). Порой они придают диалогу характер подлинно обыденной разговорной речи. По всему видно, однако, что Платон „Законы“ еще не успел или, быть может, не хотел окончательно отделать: ведь изложение, как это указывается в диалоге, должно быть общедоступным и приспособленным для понимания широких масс.

Вопрос о стиле „Законов“ важен и для доказательства их принадлежности Платону. Пока исследователи анализировали только содержание „Законов“,

принадлежность их Платону могла решиться на основании личных воззрений исследователя. Объективных данных не могло быть; античные же весьма определенные свидетельства всегда можно было оставить в тени. Так, Целлер в своих *Platonische Studien* (1839) усомнился в подлинности „Законов“, но впоследствии отказался от этого взгляда. Лишь исследование стиля доказало их близость к другим диалогам и тем самым их принадлежность Платону. Ведь теперь желающему отвергнуть „Законы“ пришлось бы усомниться в подлинности ряда диалогов, близких им по стилю.

Комментарий к „Законам“ дан К. Риттером, Лпц. 1896. Переводы на русский язык: И. Сидоровского (Спб. 1785) и В. Оболенского (Спб. 1827). Специальная литература (кроме указанной выше): U. Wilamowitz—Möllendorff, *Aristoteles und Athen* (Берл. 1893), I, 330 сл. J. Schulte, *Quomodo Plato in legibus publica Atheniensium instituta respexerit*, Münster 1907. L. Schröer, *Die allgemeinen strafrechtlichen Grundsätze in Platons Gesetzen*, Münster 1910. J. Bruns, *Platos Gesetze vor und nach ihrer Herausgabe durch Philippos von Opus*, Weimar 1880. E. Rohde, *Kleine Schriften* (Tübingen 1901), I, 320 сл. M. Krieg, *Die Uebersetzung der platonischen Gesetze durch Philipp von Opus*, Freiburg 1896. Th. Gomperz, *Platonische Aufsätze*, III. G. Hoffmann, *Kritische Analyse der beiden ersten Bücher der platonischen Gesetze*, München 1905. F. Döring, *De legum Platonis compositione*, Lpz. 1907. A. Hoffmann, *De Platonis in dispositione legum consilio*, Greifswald 1907. R. Pöhlmann, *Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus*, I, München 1893 (русский перевод, Спб. 1910). Е. Н. Трубецкой, *Социальная утопия Платона. Вопросы философии и психологии*, XIX (1908), кн. 1 и 2.

А. Егунов.